

С. А. ВАСИЛЬЕВ

ОБРАЗ-СИМВОЛ «УМНОГО ПОЖАРА» В ПОЭМЕ В. ХЛЕБНИКОВА «ЛАДОМИР»

«Умный пожар» — один из центральных образов-символов поэмы Велимира Хлебникова «Ладомир», изображающей революционную эпоху и являющейся наиболее ярким проявлением творческой индивидуальности писателя. Его истоки восходят как к творческим исканиям современников Хлебникова, так и к русской классике XIX века, а также к православной традиции.

Ключевые слова: «умный пожар», образ, символ, миф, семасиология, стиль.

Размышляя о поэме в ее целом, Р. В. Дуганов писал: «А что же в ней дано, что является предметом изображения, или, проще говоря, о чем она? Очевидно, сказать, что это поэма о революции, еще далеко не достаточно. Вчитываясь и вдумываясь в нее, мы понимаем, что поэма говорит не только и даже не столько о социально-исторических событиях, сколько о каком-то природном, всеобщем-космическом перевороте, в свете которого и социальная революция переживается как нечто абсолютное, безусловное и беспредельное. Это революция, так сказать, возведенная в бесконечную степень. <...> При всех различиях восприятия революции — преимущественно этического у Блока, социального у Маяковского, натурфилософского у Хлебникова — хлебниковская космичность и “чрезмерность” того же происхождения, что и “максимализм” Блока и “гиперболизм” Маяковского. Они коренятся в переживании революции в бесконечной перспективе. Отсюда и происходит вся та образность “мировых циклонов”, “пожаров”, “потопов”, “бурь” и “землетрясений”, господствующая в поэзии революционных лет. Она переполняет и поэму “Ладомир”» [Дуганов, 1990, с. 67].

Действительно, круг наиболее значимых художественных представлений, воплощающих революционную тематику в ее символической многомерности и связанных с огнем, пламенем, светом и т. п., в контекст которых вписывается один из ключевых образов — «умный пожар», в поэме «Ладомир» [Хлебников, 2002, т. 3] широк. Его составляют слова с корнем «-зар-»: «заря», «зареву», «зарницы» (11); слова, однокоренные «пожар» (8) и «пламя» (6).

В основном своем объеме (вследствие особенностей семантики художественного произведения оттенки значения не всегда возможно с максимальной определенностью вычленишь) отмеченный круг ассоциаций формируется

следующими словами: «*пепел*»¹, «*гремучий порох*», «*заревое пламен*», «*клуб дыма сизого*», «*парус дыма синего*», «*костер*», «*пылающий шатер*», «*огонь за пазухою*», «*заревое могил зари*», «*снямая с зарева засов*», «*с алыми крылами лебедь*», «*в багровом слетает невеста*», «*земные пожары*», «*пожар в ночь Купала*», «*Пожарных умного пожара*», «*красен бог*», «*заиграй, заря*», «*алые зарницы*», «*пылающие хоромы*», «*пылает целый материк / Звездою пламени красней*», «*зажег огниво*», «*ветер пылающих хором*», «*в дыме божественного взрыва*», «*нет зарева умней, / Чем в синеве пожара конского*», «*Свобода идет Неувяда / Пожаром вселенской души*», «*до зари*», «*зажженный порох*», «*их пепла не считаем*», «*синих зарев неясить*», «*дым*», «*Зажечь костер почина / Земного быта перемен*», «*пожар созвездья Псов*», «*шишак пожарного*», «*в дыму огня угарного*», «*красное зарево*», «*озарит гудок*», «*спичечное пламя*», «*летит багровыми крылами*».

В соответствии с особенностями хлебниковской художественной семантики однокоренные слова ярко противопоставлены. Это проявляется в одном из наиболее ярких фрагментов поэмы, варьирующего и укрупняющего образ пожара, в конечном счете — «пожара мирового» или, по хлебниковскому выражению из того же «Ладомира», «пожара вселенской души»:

Ты помнишь час ночной грозы,
Ты шел по запаху врага,
Тебе кричало небо «взы!»
И выло с бешенством в рога.
И по небу почерк палаческий,
Опять громовые удары,
И кто-то блаженно-дураческий
Смотрел на земные *пожары*.
Упало Гэ Германии
И русских Эр упало.
И вижу Эль в тумане я
Пожара в ночь Купала.
Смычок над тучей подыми,
Над скрипкою земного шара,
И черным именем клейми
Пожарных умного пожара
(здесь и далее выделено нами. — С. В.)
[Хлебников, 2002, т. 3, с. 237—238].

Корень «-пожар-» (с точки зрения современного языка) в приведенном отрывке встречается четырежды: в трижды повторенном слове «пожар» и в слове «пожарный».

По В. И. Далю, «**пожар м.**, охват и истребление огнем строения, или вообще чего-либо горючего, но в таких размерах, когда огонь берет верх над усилиями человека» [Даль, 1994, т. 3, стлб. 569].

Слово «пожар» всякий раз получает разные оттенки значений, обозначает «разный» пожар: «земные пожары», «пожар в ночь Купала», «умный пожар».

«Земные пожары» (определение, во всяком случае, в первом приближении — говорит само за себя) — происходящие на земле, «тварные». *Земной*

¹ Ср. с одноименным названием книги стихов А. Белого.

может быть понято как «2. Обращенный к жизни с ее реальными делами и помыслами, далекий от высоких идеалов. *Земные интересы. Земные желания*» [Ожегов 1991, с. 232]. «*Земное дело*, житейское или мирское, суетное. Земная жизнь, плотская; противополог. духовная, небесная» [Даль, т. 1, стлб. 1692].

Видимые «земные пожары» являются внешней приметой социальной революции, народного бунта:

Когда сам Бог на цепь похож,
Холоп богатых, где твой нож? <...> [Хлебников, 2002, т. 3, с. 234]

Пожар материальный — это прежде всего рисуемый в воображении лирического героя объятый пламенем дворец (царский):

Кто изнемог в старинных спорах,
И чей застенок там, на звездах¹,
Неси в руке *гремучий порох* —
Зови дворец лететь на воздух.
И если в зареве пламен
Уж потонул клуб дыма *сизого* <...> [Хлебников, 2002, т. 3, с. 234]

Однако первое значение слова *земной* иное: «к земле нашей, к миру, земному шару относящийся, принадлежащий. *Земная ось*, прямая черта, вокруг которой земля суточно обращается. *Земной житель*, человек и животные» [Даль, т. 1, стлб. 1692]. В этом случае словом «земной» задается космический масштаб событий, которые, поэтому не могут не иметь колоссального или даже судьбоносного для планеты и вселенной значения.

Это подчеркивается взглядом извне, по-видимому взглядом святого-юродивого, имеющего параллели и с alter ego лирического героя: «И кто-то блаженно-дураческий / Смотрел на земные пожары». Земные (в масштабе вселенной) пожары согласуются с нравственным, духовным, а потому трансцендентным (как бы «находящимся за пределами мира») взглядом на вселенную извне: религиозное понимание нравственности видит ее основание в Предвечном Боге. Таким образом, герой В. Хлебникова совмещает два взгляда на происходящее в мире, истории: видит факты и их скрытый смысл. Взгляд «извне», из космоса, и «извне» вселенной, доступен герою, что называется, не сходя с места.

Характерен образ «скрипки земного шара» и его семантика. В заметке «Предложения», которой В. Хлебников, очевидно, придавал вполне практическое значение, он писал: «10. Основать общество скрипачей на земном шаре. Гордый союз Скрипземшаров. <Обобществить земной шар: играть на нем, как на скрипке>» [Хлебников, 2005, т. 6, кн. 1, с. 244].

Итак, «земные пожары» не являются однозначно «материальными». В этом художественно-речевом образе, кроме социального, уже намечены космический и духовный содержательные планы.

Промежуточное положение в отмеченной градации «пожаров» занимает «Пожар в ночь Купала». В основе образа — обряды очень значимого в народном календаре дня, который «празднуется сожжением костров в поле». Его отличают особенно активные связи с мистическими, потусторонними силами:

¹ Р. В. Дуганов писал о переосмыслении Хлебниковым в этих строках мотивов оды Г. Р. Державина «Бог» // [Дуганов, 1990, С. 70].

«Накануне (и в ночь) Ивана-Купалы собирают лечебные и знахарские корни и травы. Ведьмы собираются на Лысой горе (Киев); день ведьм, оборотней, колдунов и пр. Проказы нежити, домовых, водяных, леших, русалок и пр. Папоротник расцветает в полночь на Ивана купала, и открывает клады» [Даль, электронный ресурс].

Один из таких колдовских, сакральных, магических костров с участием Вилы В. Хлебников в идиллическом ключе воплощает в драматической поэме «Лесная тоска» (осень 1919, 1921):

Как черный ветер колыхается,
 Из красных углей ожерелье.
 Она поет и усмехается,
 Костер ночной — ее веселье.
 Она поет, идет и грезит,
 Стан мошек волосом разит.
 Как луч, по хвойным веткам лезет
 И тихо к месяцу скользит.
 То в сумраке ночном себя купает,
 То в облаке ночном исчезла,
 То молчаливо выступает
 В дыму малинового жезла.
 Она то молнией нагой
 Блеснет одна в дуброве черной,
 То белодымною ногой
 Творит обряд упорный [Хлебников, 2003, т. 4, с. 68].

Материальное и духовное соединяются в сакральном обряде, происходящем летней ночью. Напряжения, присущего «Ладомиру», в этой картине нет, зато присутствует характерный хлебниковский юмор: «Стан мошек волосом разит».

Праздник Ивана-Купалы, согласно народной мифологии, — день, в который совершаются многие предсказания. Это день очищения (что символизирует купание) и день наиболее благоприятный для изменения собственной судьбы, влияния на внешние обстоятельства. А. А. Потебня отмечал: «... народ связывает топление или сожиганье Марены — Смерти и купальские костры. Зажиганье костров и прыганье через них имеет целью освобождение от враждебной силы болезни, смерти и связанных с последнею мифических существ. <...> Давно уже предполагают, что купальские и другие им подобные огни имеют силу давать урожай и прогонять смерть не сами по себе, а потому, что изображают солнце» [Потебня, 1989, с. 533].

Хлебниковский образ содержит сходные содержательные планы. На это нацеливает образ Эль, воплощенный как пророчество лирического героя, открывшееся ему в мистическом созерцании купальских огней¹, пророчество о грядущей победе над злом и (в контексте всей поэмы) над смертью: «И вижу Эль в тумане я / Пожара в ночь Купала».

¹ Ср. образ, заключенный в заглавии книги А. М. Ремизова «Подстриженными глазами»: близорукость автора художественно осмысливается через воздействие купальских костров, которые как бы опалили («подстригли») ресницы, сузили его кругозор.

Эль (см. подробнее первую главу) — особое, по выражению В. Хлебникова, «звуко-вещество», которому он приписывал символические значения. В «Зангези» *Эль* поясняется как «остановка падения, или вообще движения плоскостью, поперечной падающей точке (лодка, летать)» [Хлебников, 2004, т. 5, с. 321]. Однако это еще и «Воин Азбуки» — ключевой элемент развернутых в ряде произведений Хлебникова воззрений на закономерности исторических событий:

Эр, Ка, Эль и Гэ —
 Воины Азбуки —
 Были действующими лицами этих лет,
 Богатырями дней.
 Воля людей окружала их силу,
 Как падает с весел вода мокрая.
 Лодку, лыжи, лет и лед, лапу
 Ищет, кто падает, куда? —
 В снег, воду, в пропасть, в провал.
 Утопленник сел в лодку и стал грести.
 Лодка широка, не провалится.
 И лени захотелось всем.
 И тщетно *Ка* несло оковы, во время драки *Гэ* и *Эр*,
Гэ пало, срубленное *Эр*,
 И *Эр* в ногах у *Эля*! [Там же, с. 319]

Третий «вид» пожара, который появляется в рассматриваемом фрагменте — «умный пожар». Слово *умный* в поэме явно неоднозначно, в различных сочетаниях оно встречается многократно: «умные напевы», «умный пожар», «умная грива», «нет зарева умней», «страна ума», «умный колос ржи», также — «*Умейте*, лучшие *умы*, / Намордники одеть на морь».

Р. В. Дуганов использовал слово *умный* как философскую доминанту-характеристику художественного мира Хлебникова в целом: «... мир Маяковского — героический, мир Блока — демонический, мир Хлебникова — божественный. Мир Маяковского — это осязаемо-телесный, вещный мир действий и чувств личности, мир Блока — это динамический, самоотрицающийся мир воли и стремления «вочеловечивающейся» личности. Мир Хлебникова — внеличный энергично-смысловой мир. Или проще: мир Маяковского — чувственный, мир Блока — волевой, мир Хлебникова — *умный*. Все эти характеристики, разумеется, не имеют оценочного смысла. <...> Для поэта весь мир ест единый, всепроникающий и всеохватывающий мировой Ум. В нем нет ничего внешнего, что не было бы в то же самое время внутренним, нет ничего объективного, что не было бы субъективным, ничего материального, что одновременно не было бы идеальным. И наоборот. Здесь все есть все, все субъект-объектно, лично-внелично и т. д., короче говоря, все есть Единое» [Дуганов, 2008, с. 57, 42]¹ (Выделено нами. — С. В.).

Слово *умный* В. И. Даль комментирует так: «**Умный** человек, кому Бог дал ясный, пронизательный ум, понимающий, постигающий не всякому доступное; || рассудительный, разумный, смысленный; понимающий и заклю-

¹ Данное наблюдение высказано, несомненно, с опорой на труды по античной эстетике А. Ф. Лосева. Ср.: [Арензон, 2008, С. 3].

чающий здраво, прямо, верно. *Умное дело, слово, письмо*, умно устроенное, дельное, основательное и логичное» [Даль, т. 4, стлб. 1014].

В этой связи образ «умный пожар» можно охарактеризовать как катахрезу. Это несовместимое с формально-логической точки зрения соединение рационального (структурированного) и иррационального (стихийность).

Однако именно такое соединение — одна из ключевых особенностей хлебниковского миропонимания. Она нашла свое выражение в ярком и в основе своей нехудожественном (математическом) символе $\sqrt{-1}$. Эта формула абсурда (того, что невозможно по определению) оказывается формулой человеческой личностной свободы уже в ранней программной статье 1908 г. «Курган Святогора»: «...не в том ли пролегла грань между былым и идущим, что волим ныне и познания от “древа мнимых чисел”? Полюбив выражения вида $\sqrt{-1}$, которые отвергали прошлое, мы обретаем свободу от вещей. Делаясь шире возможного, мы простираем наш закон над пустотой разнотвьем с богом до миротворения» [Хлебников, т. 6, кн. 1., с. 24].

В. Хлебников здесь наглядно демонстрирует «строго математическое» доказательство соединения рациональной формулы и иррационального, глубоко свойственное религиозному мировоззрению (ср., например, «абсурдные» математические выкладки Николая Кузанского). Связь этой формулы с философией свободы личности сближает В. Хлебникова с современным ему религиозным экзистенциализмом Л. И. Шестова, более ранним Ф. М. Достоевским (преодоление героем «Записок из подполья» прямого детерминизма, представленного в формуле « $2^2=4$ »).

Выражение $\sqrt{-1}$ присутствует в поэме, математический символ заменяется словом, латинское «минус» В. Хлебников в духе национального языка заменяет русским «нет»:

Дорогу путника любя,
Он взял ряд чисел, точно палку,
И, корень взяв из нет себя,
Заметил зорко в нем русалку.
Того, что ни, чего нема,
Он находил двуличный корень,
Чтоб увидеть в стране ума
Русалку у кокорин. [Хлебников, 2002, т. 3, с. 468]
Где сквозь далеких звезд кокошник
Горят Печоры жемчуга,
Туда иди, небес помощник,
Великий силой рычага. [Хлебников, 2002, т. 3, с. 246]

$\sqrt{-1}$ и есть «корень из нет себя» или «корень из нет единицы». «Двуличная» природа этого корня как раз и состоит в совмещении «Того, что ни, чего нема» (диалектизмы — новый взгляд — как бы дополнительно убеждают в отсутствии «того») и положительного результата извлечения корня (в математике соответствует теории мнимых чисел).

«Умный пожар» — один из наиболее ярких художественно-речевых образов поэмы В. Хлебникова. Его можно соотнести с воплощенным в хрестоматийных блоковских строках соединением в едином порыве интеллектуальной и эмоциональной сторон человеческой личности:

Благословляю, всё, что было,
 Я лучшей доли не искал.
О, сердце, сколько ты любило!
О, разум, сколько ты пылал! <...> (курсив наш. — С. В.)
 [Блок, 1997, т. 3, с. 96]

Стихотворение «Благословляю все, что было...», продолжающее традиции М. Ю. Лермонтова и А. А. Фета, «Создавалось в качестве заключения первого трехтомного “Собрания стихотворений” поэта <...> и целого жизненного периода <...> по первоначальному замыслу, являлось своеобразным итогом лирической трилогии» [Там же, с. 788].

«Разум <...> пылал» А. А. Блока — это уже не рациональное, хотя автор предельно четко разграничивает «сердце» и «разум»: «Ср.: в авторском предисловии к “Земле в снегу”: “Далеко в потемках светит огромный факел влюбленной души”» [Там же].

Хлебниковский образ «умного *пожара*», в соответствии с авторской творческой установкой и стилем, предстает и неожиданным, и гиперболизированным по сравнению с классическим блоковским, в котором происходит «восстановление» более или менее стертой метафоры «разум <...> пылал»¹.

Пожар — одна из характерных метафор первой книги стихов Андрея Белого «Золото в лазури», несомненно, хорошо знакомая В. Хлебникову². Андрей Белый в стихотворении «Золотое руно» (1903) от привычной метафоры («закат» — «пожар»):

Пожаром склон неба объят... —

движется к ее «оживлению», наполнению ее во втором словоупотреблении символическим (духовным) содержанием:

Земля отлетает...
 Вино
 мировое
пылает
пожаром
 опять:
 то *огненным шаром*
 блистать
 выплывает
 руно
 золотое,
 искрясь. [Белый, 1994, с. 24, 25]

«Пожар», действительно, семантически меняется. Это уже не просто «закат», пусть и художественно ярко, импрессионистически воплощенный, а обозначение явления мирового масштаба («вино *мировое*»), указание на символическое «золотое руно». У Белого в приведенном выше примере есть смысловое «наращивание», но собственно противопоставления нет. В. Хлеб-

¹ Речь идет только о разнице в особенностях слога обоих поэтов, но, конечно, не о художественном мастерстве как таковом, содержательной глубине произведений и т. п.

² Ср.: [Иванов, 1988, с. 338–345].

ников значительно усложняет основной беловский образный посыл, текстовыми сближениями слов резко заостряет его.

Созданный Будетлянином художественно-речевой образ «умного пожара» — это не просто «пожар ума» или «пожар в уме». Неожиданное, но имеющее под собой серьезную почву словосочетание стремится занять свое место среди известных языку смысловых валентностей — сочетаний слова умный: умный человек, умный поступок, умное слово и т. д., т. е. умный как «1. Обладающий умом, выражающий ум. <...> 2. Порожденный ясным умом, разумный» [Ожегов, с. 831].

«Умный пожар» с этой точки зрения — пожар целесообразный, поэтому как бы оживший, самостоятельно действующий и, в конце концов, мифический (зародыш мифа). Согласно А. Ф. Лосеву, структурно-семантические категории символа и мифа неразрывно связаны: «Символ, ставший интеллигенцией и превратившийся в демиургийную энергию имени, превращает сущность уже в живое существо, или *миф*, и этот *мифический* момент имени есть уже вершина диалектической энергии имени, с которой уж видны все отроги, расходящиеся отсюда по всем сторонам» [Лосев, 1993, с. 694] (Выделено автором. — С. В.).

Как отмечалось, слово пожар, трижды повторенное, всякий раз получает новое содержание. Смысловое движение «внутри» одного символизирующего слова имеет вполне определенную направленность: от земного, материального к духовному, мистическому. В этом прослеживается мистериальная основа образа (миры дольний — горний), а также традиции христианской культуры.

Одно из значений слова «умный» — «умовой, умственный, духовный» [Даль, т. 4, стлб. 1014]; в церковнославянском языке умно «= умственно, мысленно, духовно, благоразумно» [Дьяченко, 1993, с. 755]. «Умное делание» — особый способ молитвы, религиозного очищения души. «Под умным деланием в православной аскетической литературе принято понимать внутренний (душевный) подвиг христианина, заключающийся в непрестанной молитве “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного” <...> Молитва Иисусова, как наиболее простое и действенное средство, имеет основополагающее значение в аскетической практике хранения ума и сердца, в борьбе с греховными помыслами. Именно поэтому за ней по преимуществу закреплено название умного делания. Молитва Иисусова также называется умно-сердечным деланием, поскольку требует объединения ума и сердца в призывании имени Иисуса Христа. Она именуется сокровенным деланием сердца, умной молитвой, тайной молитвой, священной молитвой, сердечной молитвой, затвором ума и сердца, трезвением, хранением ума» [Умное делание, электронный ресурс].

В этом контексте катахреза «умного пожара» снимается пониманием его как вообще высшей степени духовной (не только и не столько «узко» интеллектуальной) деятельности. Семантически слово «умный» значительно обогащается и фактически отсылает к святоотеческой традиции, в которой проблема «ума», «сердца», «умной души», «умного человека» и т. д., их богословского наполнения и нравственного значения, занимает одно из ключевых мест [Добротолубие, 2004].

Приведем несколько характерных примеров: «Душа в теле, в душе — ум, в уме — слово, коими созерцаемый и прославляемый Бог обессмертвливает

душу, даруя ей нетление и наслаждение вечное»; «*Ум не есть душа, но дар Божий, спасающий душу*»; «*Умная душа старается избавиться от беспутства, надмения, гордыни, обольщения, зависти, хищения и подобного, каковые дела суть (дела) демонов и злого произволения*»; «*Пребывай в сердце умом, и не будешь утружден искушениями; уходя же оттуда, терпи, что найдет на тебя*» [Там же, т. 1, с. 39, 33, 233]; «*Чистый ум иногда сам Бог учит, нисходя на него, иногда же внушают ему доброе Святые Силы, а иногда созерцаемое им естество вещей*»; «*Совершенный ум есть тот, который, истинною верою неведомо познав Неведомого, обозрел все вообще Его творения и от Бога получил всеобъемлющее познание о Его в них промысле и суде, сколько то доступно человекам*»; «*Ум, устремляясь горе, не тотчас востекает туда, но после того, как совершенно презрит все дальнее, посвятив себя Божественным деланиям*» [Там же, т. 1, с. 37, 136] (Выделено нами. — С. В.).

Контекст святоотеческой литературы, несомненно, продуктивен для анализа творчества В. Хлебникова. Так, цитированное выше «Добротолубие» — объемный свод избранных творений отцов Церкви — позволяет точнее охарактеризовать стиль одного из последних стихотворений поэта:

Еще раз, еще раз!
 Я для вас звезда!
Горе моряку, взявшему
 Неверный угол своей ладьи и звезды:
 Он *разобьется о камни и подводные мели.*
Горе и вам,
 Взавшим
 Неверный угол сердца ко мне:
 Вы *разобьетесь о камни!*
 И камни будут *надсмехаться*
 Над вами, как вы *надсмехались*
 Надо мной! [Хлебников, 2001, т. 2, с. 400]

Кроме справедливо отмеченной фольклорной традиции («Словосочетание “еще раз” входит в молитвенно-заговорные формулы русского духовного фольклора» [Арензон, Дуганов, 2001, т. 2., с. 590]), важно и другое — переосмысление святоотеческого слова.

Именно там обнаруживаются параллели с основными мотивами стихотворения, уже в самой творческой интенции ориентированного на стилизацию пророчества. Ср. главный для стихотворения параллелизм о моряке и подводных камнях и следующее рассуждение: «Как *кормчие* осмотрительно направляют корабль вперед, чтобы *не наткнуться на подводный камень, или скалу какую*, так и ревнующие о добродетельной жизни пусть тщательно рассматривают, что им должно делать и что избегать, полезным для себя полагаю только то, что внушают истинные Божественные законы, отсекая от души лукавые помышления» [Добротолубие, т. 1, с. 33].

Анафорический повтор «горе» находит параллели с «Рыданиями» преп. аввы Исаии: «*Горе нам*, что, будучи исполнены прегрешений, вразумляем и научаем тех, которые гораздо лучше нас! <...> *Горе* поносителям и обидчикам! Потому что они отчуждали себя от блаженной любви. *Горе* недоброжелателям и завистникам! Потому что они сделали себя чуждыми

благости и милосердия Божия.» [Там же, с. 191, 194]. Наконец, мотив осмеяния человека, искусного в духовной жизни и непонятого, есть в предостережении св. Антония Великого: «Не со всяким ведаи беседы о благочестии и добром житии. Не по зависти говорю так, но потому, что *перед неразумнейшим покажешься ты*, думается мне, *смешным*» [Там же, с. 38]. Данные параллели не отменяют и богатой литературной традиции в изображении отвергнутого и осмеянного пророка, например, в изображении М. Ю. Лермонтова, однако композиция, образный строй, художественно-речевые особенности, творческая задача произведения ориентируют именно на святоотеческую традицию.

Возвращаясь к образу «умного пожара», подчеркнем, что это емкий символ соединения колоссального интеллектуального напряжения и мощного духовно-душевного порыва, устремленного в мир горний, к победе над смертью и вечности. Это, в частности, проявилось в символическом образе:

Свобода идет Неувяда
Пожаром вселенской души. [Хлебников, 2002, т. 3, с. 243]

«Пожар», с одной стороны, оказывается категорией внутренней, относящейся к душе, а с другой стороны, так как душа «вселенская», явлением общемировым, охватывающим и материю, плоть.

Обращает на себя внимание дальнейшее развитие художественно-речевого образа — словосочетание: «*пожарных* [умного] *пожара*». Оно образовано дериватами («пожарный» — от «пожар»), вследствие чего эти слова воспринимаются как смысловая тавтология: «пожарный» — и без того значит «к пожару относящийся».

Однако «пожарный» (субстантивированное существительное) — деятель, человек, «служитель пожарной команды» [Даль, т. 3, стлб. 569]. Актуальная словообразовательная цепочка в данном случае следующая: *пожар* — *пожарная* (команда) — *пожарный*. В этом закономерном контексте *пожарный* — тот, кто призван «к предупреждению и тушению пожаров» [Ожегов, 1991, с. 545], т. е. их «противник», «враг», лицо, им, пожарам, противостоящее.

Созданная корневым повтором яркая метафора «пожарные» (т. е. противники) умного пожара» существенно нюансирует образную картину. Смысловое напряжение между полюсами «пожарные» и «пожар» разрешается в необходимой «борьбе» этих «пожарных» с пламенем «умного пожара».

Духовная сфера борьбы «умного пожара» и его «пожарных» подчеркивается и особым, магическим способом противостояния этим «пожарным»: «И черным *именем клейми* / Пожарных». Борьба идет в именной (сущностной) сфере, где магическое называние черным (очевидно, смертельным) именем означает уничтожение (связь с заклинаниями). В этой связи высокое по стилю «*клейми*» может быть понято буквально, т. е. мифически: как наложение клейма — имени во плоти.

Учитывая стихийность и неуправляемость пожара, тем более если он оказывается мистическим, очевидным оказывается заведомое («по определению») поражение его «пожарных». Само слово «пожарный», его внутренняя форма, тоже как бы свидетельствует об этом: самостоятельной «величиной» оказывается опять-таки «пожар».

Образ «пожарного умного пожара» далее переосмысливается. На первый

план выходит отмеченная семантика «к пожару относящийся», т. е. «соучастник пожару»; пожарный — также «тот, кто овладевает стихийным пожаром», но овладевает, не борясь с ним, а становясь в его центр или даже порождая его:

Поставив к небу лестницы,
Надень шпашак пожарного,
Взойдешь на стены месяца
В дыму огня угарного.
То солнце на два поверни,
Где в красном зареве восток, —
Крути колеса шестерни. [Хлебников, 2002, т. 3, с. 247]

Символика «умного пожара» разворачивается, совмещая внешний, материальный пожар социального бунта и внутренний, смысловой «пожар духа». На примере этого символа видна важная особенность хлебниковского восприятия исторических событий: Октябрьской революции и Гражданской войны. Он ждал глубоких изменений в человеческом сознании и, в конце концов, изменения человеческой природы (что сопоставимо с преодолением первородного греха). Роль «ума» — открытие законов времени (победа над роком), осознание «абсурдной» формулы человеческой свободы — в этом процессе центральная. События 1917 и последующих годов были восприняты им как начало осуществления своих почти десятилетие проповедуемых идей.

Созданный поэтом яркий образ «умного пожара», разворачивается как художественный символ, является важным компонентом мистериального образного плана. Он дан как живой, целесообразный, с многочисленными проявлениями (образы огня, в частности «земные пожары», «пожар в ночь Купала», художественные метаморфозы ума — «страна ума», «умный колос ржи» и др.), то есть воплощается художественно-мифически. При этом В. Хлебникова интересуют возможности семасиологии слова. Поэт средствами одного слова или однокоренных слов значительно обогащает содержание того же слова, словосочетания, фразы, фрагмента, произведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арензон Е. Р., Дуганов Р. В. Примечания // Хлебников В. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2.
2. Белый А. Собрание сочинений. Стихотворения и поэмы. М.: Республика, 1994.
3. Блок А. А. «Благословляю все, что было...» // Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 3. М.: Наука, 1997.
4. Даль В. И. Пословицы русского народа. Месяцеслов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arira.ru/dal-v-i-poslovitsy-russkogo-naroda-mesyatseslov.htm> (дата обращения: 30.07.2013).
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Прогресс, Универс, 1994.
6. Добролюбие. В 4 т. Минск: Харвест, 2004.
7. Дуганов Р. В. Велимир Хлебников. Природа творчества. М.: Советский писатель, 1990.
8. Дуганов Р. В. Проблема эпического в эстетике и поэтике Хлебникова // Дуганов Р. В. Велимир Хлебников и русская литература. М.: Прогресс-Плеяда, 2008.
9. Дьяченко Г., протоиерей. Полный церковнославянский словарь. М.: Издательство Московской Патриархии, 1993.

10. *Иванов Вяч. Вс.* О воздействии «эстетического эксперимента» Андрея Белого (В. Хлебников, В. Маяковский, М. Цветаева, Б. Пастернак) // Андрей Белый: Проблемы творчества: статьи, воспоминания, публикации. Сборник. М.: Советский писатель, 1988. С. 338—345.
11. *Лосев А. Ф.* Философия имени // Лосев А. Ф. Бытие — имя — космос. М.: Мысль, 1993.
12. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1991.
13. *Потебня А. А.* О купальских огнях и сродных с ними представлениях // Потебня А. А. Слово и миф. М.: Правда, 1989.
14. Умное делание [Электронный ресурс]. URL: http://azbyka.ru/dictionary/19/umnoe_delanie-all.shtml (дата обращения: 31.07.2013).
15. *Хлебников В.* Собрание сочинений: В 6 т. М.: ИМЛИ РАН, 2000–2006.

Поступила в редакцию 20. 12. 2013